

Виктор Каев

Яд замедленного действия

Детективные истории

Виктор Каев

Яд замедленного действия.

Детективные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25278531
ISBN 9785448558580

Аннотация

Молодой учитель истории Сергей Аркадьевич Селезнёв, написав рано утром заявление об отпуске без содержания на три дня, вошёл в кабинет директора школы. Директор сидел за своим рабочим столом. Его глаза были неподвижны, в уголке рта запёкся ручеек крови, а на сорочке в районе сердца чернела круглая дырка. В кабинете ощутимо пахло порохом... Так началась эта страшная и странная история, в ходе которой Сергей пытался разобраться в причинах случившегося и найти ответы на возникшие вопросы.

Содержание

1	5
2	13
3	20
4	29
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Яд замедленного действия Детективные истории

Виктор Каев

© Виктор Каев, 2017

ISBN 978-5-4485-5858-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

В последнее время во мне жила уверенность, что я в своей жизни повидал достаточно всякого, хотя не прожил ещё и 35 лет. Но то, что я увидел перед собой в данный момент, сильно поколебало эту мою уверенность.

Дело в том, что сегодня в 7 часов 45 минут утра, то-ропливо настрочив заявление с просьбой об отпуске без сохранения содержания на три дня по личным обстоятельствам, я вышел из двери учительской, пересёк приёмную, и решительно распахнул сверкающую лаком белую филе-чатую дверь кабинета директора нашей школы. За столом, откинувшись на спинку кресла, сидел он, Алексей Степано-вич Минаков, и удивленно смотрел на меня мертвыми непо-движными глазами. Из правого уголка его рта тянулся ру-чеёк уже запёкшейся крови, а из-под распахнутого светлого пиджака на белоснежной сорочке левее галстука виднелась черная круглая дырка и расплывшееся бурое пятно вокруг неё. В кабинете ощутимо пахло порохом.

Если быть до конца честным, я не осознал достаточно точ-но, сколько именно секунд или минут стоял в дверях, тупо глядя на то, что совсем недавно было нашим директором. Пришел в себя я от нетерпеливого женского голоса за моей спиной.

– Сергей Аркадьевич, что Вы тут стоите? Директор у се-

бя?

Я медленно обернулся. По всей вероятности стоявшей передо мной завучу первой смены Вере Ильиничне что-то в моем лице показалось не совсем обычным.

– Господи! Что с Вами, Сережа?

– Со мной-то ничего...

– Да что такое!?! В конце концов...

Она рукой оттолкнула меня с пути и шагнула в кабинет.

Теперь-то я уже буду знать, как страшно могут кричать чем-то внезапно испуганные женщины! Но в тот момент я к этому был ещё не готов и от неожиданности растерялся...

Откричав, она рухнула без признаков жизни на пол. Цвет её лица стал совершенно идентичен цвету директорской двери.

Учителя, уже начавшие роиться в учительской в ожидании звонка на первый урок, секретарь директора Людочка, поправлявшая перед зеркалом в приёмной свою модненькую причёску, ученики, через открытую дверь приёмной услышавшие вопль Веры Ильиничны, тут же бросились к месту происшествия и едва не втолкнули меня, навалившись довольно многочисленной толпой, в кабинет.

Но крик завуча уже привел меня в дееспособное состояние и я, проявив мужскую твёрдость и хладнокровие, несмотря на противную дрожь в ногах, непреодолимо встал на их пути.

– Назад! Все назад! Я кому говорю!?

Давление несколько ослабло. Но шум нарастал.

– Люда! Срочно вызывай милицию и скорую помощь.

У нас больше нет директора...

Я покосился на неподвижную Веру Ильиничну.

– И если ты слишком долго будешь соображать, можем недосчитаться и завуча...

В наступившей тишине я услышал стук упавшей на пол расчёски. А в голову пришла совершенно дурацкая мысль: теперь непонятно, кто меня будет отпускать без сохранения содержания по личным обстоятельствам на три дня?..

Вообще-то, несколько лет назад мне приходилось видеть убитых людей. Большинство из них выглядело гораздо менее привлекательно, чем то, что я видел сейчас перед собой. Но там была война.

Труп школьного директора в собственном кабинете с пулей в груди почему-то совершенно не укладывался в мои привычные представления о жизни и смерти. Особенно – о неестественной смерти.

Между прочим, было как-то не очень похоже и на самоубийство. Мне, правда, с моего места не была видна правая рука директора, свисавшая безвольно к полу. Но я почему-то подумал, что если в ней даже и есть пистолет, то это ещё не доказывает, что Минаков добровольно жал на спуск. Было в выражении его лица что-то такое, что вызывало у меня сомнения по этому поводу. Может, этот его удивленный взгляд в мою сторону?

Между тем, испуганный улей в приёмной ожил и загудел с удвоенной силой. Ирина Сергеевна, симпатичная химичка лет тридцати двух, которая, как я замечал не раз, почему-то чаще других оказывалась поблизости от меня, помогла мне привести в сознание Веру Ильиничну. Её подняли и увели в учительскую на диван, где она дрожащими руками уже поправляла свои жиденькие обесцвеченные волосы. Люда, наконец, дозвонилась до милиции и скорой помощи. Я, передав завуча на попечение Ирины Сергеевны, выставил из приёмной всех учеников, а учителей потеснил в учительскую. Прикрыв дверь директорского кабинета, велел Людочке никого туда не пускать до приезда милиции, я тоже вошел в учительскую. Пришлось, правда, отвечать присутствовавшим там учителям на вопросы о том, что же все-таки произошло. Но я только сообщил, что Алексей Степанович мёртв. Ни о каких деталях виденной мной картины рассказывать не хотелось. Вера Ильинична, слегка оправившись от обморока, тихонько плакала на диване. Цвет её лица стал постепенно возвращаться к норме, но глаза продолжали светиться ужасом.

Я тоже вёл себя ещё не слишком адекватно. Даже спросил её, не подпишет ли она моё несчастное заявление вместо Алексея Степановича. В ответ она, конечно же, окатила меня гневным взглядом и принялась всхлипывать пуще прежнего.

Как и все в школе, я, конечно, знал об особом отношении Веры Ильиничны к Минакову. Это было тривиальной

темой для злословия среди учителей. Но мне казалось, что наша «стальная Вера» не способна на глубокое романтическое чувство, которое она со всей очевидностью проявляла сегодня.

В это время глупо и бессмысленно прозвенел звонок на первый урок. В учительской возникла маленькая паника. Все разом загалдели. Кто-то считал, что надо идти на уроки. Другие кричали, что надо не сходить с ума и отпустить детей по домам. В конце концов, собравшаяся с мыслями Вера Ильинична решила позвонить в районное Управление. Она сообщила о случившемся, и потом долго и как-то неловко объясняла, что предлагает отпустить детей. Получив, по-видимому, согласие начальства, она положила трубку.

Мои мысли по поводу развивающихся событий сами по себе как-то выстраивались, и я решил вмешаться в происходящее.

– Вера Ильинична, может быть, детей пока не отпускать? Давайте их посадим в классы, а учителя просто побудут с ними. Сейчас приедет милиция. Они могут захотеть поговорить и с детьми, и с взрослыми.

Она задумалась. Потом, согласно кивнув, начала отдавать распоряжения. Скоро толпа детей, гудевшая у приёмной, была выдвинута учителями в учебные кабинеты, в учительской остались только завуч, я и преподаватель ОБЖ Александр Николаевич, у которого не было первого урока. Дети дали ему смешную кличку «товарищ папа». Я знал причину. Это

был сорокапятилетний военный пенсионер, майор, пришедший работать в школу минувшей весной. Он был здорово похож на актера Александра Абдулова, только, как бы, сильно пьющего. По странной детской логике Абдулов отождествился с героем фильма «Гений», у которого была кличка «папа». На своих занятиях Александр Николаевич требовал от учеников, чтобы они называли его «товарищ майор». Объединив всё вместе, дети синтезировали кличку «товарищ папа». Так бывало в школе, когда учителя недолюбливали. При удивительном внешнем сходстве с Абдуловым майор был совершенно не похож по характеру на героя фильма. Дети считали его занудным сварливым «сухарём». И, пожалуй, были правы. Я тоже не питал к нему тёплых товарищеских чувств. Как-то случилось побывать в общей компании на учительской вечеринке. Я, конечно, смог с ним вдвоём крепко набраться, но поговорить с ним по душам и в той ситуации оказалось невозможно. То его начинало тянуть «на подвиги», то мне приходилось выслушивать его нытьё о незадавшейся жизни. К тому же я терпеть не мог в школе людей, не умеющих правильно строить свою речь и не обладающих чувством юмора. А ему ни то, ни другое совершенно не было свойственно.

Правда, сейчас он вёл себя вполне достойно. Он присел рядом с Верой Ильиничной и тихонько, хоть и странно, её успокаивал, мол, директора могут хоть все перестреляться, а школы остаются. Надо жить...

– Сергей Аркадьевич! Здесь из милиции приехали!

Голос Людочки из распахнувшейся двери заставил меня вздрогнуть. Я, всё больше осознавая провал своей затеи с трёхдневной рыбалкой, разозлился на неё.

– А при чём тут я? Чего ты мне тут рапортуешь? Здесь начальство имеется!

Девушка смутилась и перевела взгляд на завуча.

– Извините, Вера Ильинична...

Но на пороге, оттесняя Люду, уже возникла фигура мужчины невысокого роста, крепкого сложения с красным круглым лицом и маленькими жёсткими серенькими глазками. Я его узнал. Он приходил по поводу Светы Лазаревой. Это моя ученица. Около месяца назад вечером она шла с тренировки домой, когда была изнасилована и задушена каким-то ублюдком. Его глазки внимательно ощупали всех, и остановились на мне.

– Насколько я помню, Вы – Селезнёв?

Я и без того понимал, что перспектива моего отпуска становится всё сомнительнее. А после этого вопроса, вдруг, ясно осознал, что мне, как всегда, опять не повезло! Ч-чёрт! Ну и карма же у меня! Вздых вырвался сам собой.

– Ну, я...

– Капитан Изотов. Уголовный розыск. Сами понимаете, не могу сказать, что рад новой встрече. Нам с Вами нужно пообщаться.

Он говорил негромко, но весьма убедительно. Я пожал

плечами и удручённо кивнул. Он сузил и без того мелкие глазки.

– В таком случае Вам придется остаться здесь, а остальных попрошу удалиться на свои рабочие места.

Я виновато взглянул на коллег, безысходно махнул рукой, и уселся в единственное здесь мягкое и глубокое кожаное кресло.

Да. Когда не везёт – тогда не везёт! Изотов и, подъехавший чуть позже, следователь продержали меня больше часа. Уже закончили работу эксперты. Уже увезли тело Минакова. Уже опечатали его кабинет. А сыщики всё ещё расспрашивали меня о покойном, о его отношениях с подчинёнными. Почему-то, они попросили меня участвовать в их беседах с учениками, для чего мы с ними прошли почти по всем старшим классам. Отпускал меня Изотов как-то неохотно. Я бы не удивился, узнав, что он считает меня стрелявшим в Минакова, прежде чем кто-либо появился в приёмной и учительской. Честно говоря, мне тоже было не понятно, как это я ничего не видел и не слышал. Ведь выстрел, по всему выходило, должен был грохнуть в 7.30—7.40. А я в это время строчил своё заявление в учительской. Правда, в следующие три-пять минут моё одиночество прекратилось. Пришла Людочка, появился Александр Николаевич. Вошли в учительскую и ещё два или три учителя. Но и они – ни сном, ни духом... Короче, чертовщина какая-то.

Изотов сказал, что в руке Минакова всё же оказался «Макаров». Но, провалиться мне на месте, если это было самоубийство. В моём сознании такая версия никак не хотела подклеиваться под ту картинку, что я видел в кабинете директора.

Когда, наконец, капитан разрешил мне уйти, я поспешил к своим одиннадцатиклашкам, у которых числюсь не только учителем истории, но и классным руководителем. Мне на них, как правило, не хватает времени. Максимум, ежедневно забегаю на несколько минут, да раз в неделю провожу классный час. Когда изредка удастся организовать с ними что-нибудь неординарное, это для них сразу становится «великим событием». Но сегодня нельзя было не зайти. От таких ЧП они, пожалуй, на ушах стоят. Я постучал тихонько в дверь кабинета химии, из-за которой негромко доносился голос Ирины Сергеевны. По расписанию был её урок. Дверь распахнулась. Она, как обычно, мне обрадовалась, хотя её глаза сегодня смотрели серьёзно.

– Вы к своим?

– Если не возражаете...

– Конечно-конечно! Мы, всё равно, здесь никакой химией не занимаемся.

Она развернулась, мотнув пышной, с бронзовым отливом гривой мелко завитых волос, и прошла к окну. Между прочим, походка её, если смотреть вслед, была вполне грациозной.

Я вошёл. Ребята встали.

– Здравствуйте. Садитесь.

Они опустились на свои места так тихо, что я забеспокоился о полноценности своего слуха. У Зины и Женьки глаза почти на мокром месте. Остальные тоже очень встревожены

и возбуждены.

– Ну, что, дамы и господа? Взволнованы? Да, братцы! На нашу школу прямо напасть какая-то! Не опомнились ещё от трагедии со Светланой, как снова несчастье.

Из угла раздался голос Володьки Челнокова:

– Сергей Аркадьевич, а это правда, что он застрелился?

Я нахмурился.

– Умер от огнестрельного ранения в грудь.

– Так его убили?!

– Пока неизвестно. Идёт следствие.

По рядам сначала пробежал лёгкий шумок, потом все разом заговорили.

– Сергей Аркадьевич! Но ведь он же – директор школы, а не мафиози какой-нибудь! За что же его убивать?

Это уже Сашка Ситлецкий выдавал мысли вслух. Я поднял руку.

– Тихо, тихо! Ну, зачем мы будем придумывать свои версии? Они же, всё равно, безосновательны. Давайте лучше возьмём под контроль свои эмоции. Он известен нам как хороший человек. Давайте с уважением отнесёмся к его памяти. И минутку помолчим.

В классе наступила тишина. Я обвёл ребят взглядом. Красавчик Ситлецкий, маленький, но умный и амбициозный Костик Стрельцов, Генка Маркарьян – будущий медалист, Ира Коноплёва – звезда нашего класса, Маша Берг, Наташа Фокина – все смотрели на меня глазами, в которых не было до-

сужего интереса к сенсации. Им было по-настоящему жаль Минакова как своего директора. И как человека тоже. А ещё им было страшно.

Я посмотрел на Ирину Сергеевну. Стоя спиной к окну, она присела на подоконник и вытянула скрещенные длинные и чуть неровные ноги, затянутые в чёрные джинсы. Она была очень серьёзна, когда прямо взглянула мне в глаза.

Распахнулась дверь и в кабинет вошла Вера Ильинична. Она всё ещё была несколько бледной, а на лице так и застыло выражение ужаса. Я ощутил прилив сочувствия к этой немного чудаковатой женщине. Она кивнула нам, извинилась и сухим, надтреснутым и напряжённым голосом обратилась к классу:

– Так. Сейчас после звонка все могут идти домой. Завтра уроки, как обычно, по расписанию пятницы. Дома ничего лишнего не наговаривайте. И без того слухов будет предостаточно. О панихиде и похоронах мы вам сообщим, как только всё будет организовано. Вы же, надеюсь, примете участие? Вот так. До свидания.

И, именно в это время, за дверью рванул воздух школьный звонок. Мои ребята задвигали стульями, разом все заговорили и, прощаясь, двинулись к выходу. А я стоял и смотрел им вслед, забыв даже оставить дежурных, чтобы прибрать кабинет.

Голос Ирины из-за моей спины вернул меня к действительности.

– Серёжа! Что же это такое, в самом деле? Неужели всё это правда? Я просто никак не могу поверить!

Я обернулся.

– Знаешь, Ир! Я бы тоже не поверил, наверное. Но я видел его там, в кабинете с дыркой в груди и совершенно мёртвого. Такое, вот, скотство!

– А зачем ты к нему заходил?

– Хотел отдать ему заявление...

– Заявление?! Так это правда, что ты увольняешься?!

– Вообще-то, я, всего лишь, хотел попросить три дня без содержания. Надо мне было. Представляешь, какая чушь?! Хотя, насчёт увольнения – это правда.

– Ой! Ну, ни к чему это! Не надо уходить. Ты же учитель от бога. Посмотри, как тебя дети любят!

– Любят, любят. ... Видишь ли, Ириша, очень уж мне по жизни стало хреновато. Я себя перестал мужиком ощущать. Работаю за двоих! А что получаю? На эти деньги достойно не прожить даже одному. А мне скоро 35. Я, конечно, подрабатываю извозом на своей машинёнке. Но я так не могу! Привык делать что-то одно, но как следует. Уходить придётся. Вот, только почву на новом месте подготавливаю, тогда и вперёд.

Ирина вздохнула.

– Жа-а-аль! Тебя у нас уважают. Это будет потеря. Для всех. И так мужиков мало, а приличных – особенно! Знаешь? Твоё присутствие помогает нам себя бабами чувствовать.

вать, форму не терять.

– Спасибо, конечно! Только, не могу я так больше. Да, и не хочу, пожалуй...

– А твои знают?

Она кивнула на пустой кабинет.

– Нет. Я пока ничего не говорю. Боюсь... Особенно, теперь. Они, ведь, ещё от гибели Лазаревой не оправились...

В коридоре раздались чьи-то шаги, и дверь открылась. На пороге стояли Рома Калюжный и Света Румянцева.

– Сергей Аркадьевич! Мы же дежурные. Чуть не забыли!

– Вы хорошо сделали, что вернулись. А то, если бы мы с Ириной Сергеевной за вас отдежурили, вам бы не рассчитаться. Шучу! Ладно, убирайте тут, а мы пошли. До свиданья. Не забудьте окна закрыть.

Выйдя из школьного подъезда, я пересёк улицу и остановился.

Наша школа стояла в высокой части города над склоном холма. Отсюда спускалась далеко вниз к его подножью дряхлая, ещё дореволюционная, каменная лестница, ведущая в гущу маленьких частных дворишков и кривых переулков старого города. А стоило поднять глаза, как зрелище от горизонта до горизонта раскинувшегося миллионного «муравейника» всегда начинало будоражить воображение. Мне виделись миллиарды кем-то уложенных кирпичей, миллионы окон, тысячи квадратных километров железа и ши-

фера на крышах, миллионы километров проводов, несметное количество всяких гвоздей, шурупов и прочих мелочей, которые были вкручены, вбиты, натянуты, вкопаны, замонтированы трудом поколений и поколений упорных людей. Количество всех этих элементов видимого мира стремилось к бесконечности. Глядя со своей возвышенности на прорезанный тускло блестящей лентой реки и затянутый сероватой дымкой от дыхания десятков тысяч моторов и топок современный город, я всегда говорил себе: вот оно, реальное воплощение истории! Она не что иное, как овеществлённый труд. Эта мысль переполняла меня собственной причастностью к человечеству. Наверное, поэтому я любил стоять здесь и смотреть на открывающуюся потрясающую картину.

Однако сегодня у меня было иное настроение. И я замечал только облупившуюся штукатурку зданий с пятнами сырости от протекающих крыш и гнилых карнизов. С разномастных трущобных балконов свисали гирлянды сохнувшего серого белья. На замусоренных улицах с разбитым машинами и дождями асфальтом непреодолимо раскинулись огромные мутные лужи. По неопрятным тротуарам спешили по своим делам толпы мрачных, озабоченных, нервных людей. Казалось, каждый из них готов оттолкнуть, ударить любого, кто осмелится оказаться, пусть случайно, у них на пути.

Господи, какое же мы, всё-таки, зверьё!

Троллейбус резко дёргал и набирал скорость после остановок, весело завывая двигателем. Тормозил он тоже лихо. Пассажиры в салоне, как костяшки домино, стоящие друг за другом, валились то вперёд, то назад. Мой сосед при очередной остановке не удержался и, пытаясь поймать руками спинки кресел, по инерции тяжёлым снарядом пробил себе путь среди сумевших устоять пассажиров, едва не рухнув им в ноги. Все загалдели, ожесточённо ругая почему-то не водителя, а моего соседа. Несчастный, восстанавливая равновесие, негромко выматерился, потом извинился передо мной и другими. Я ободряюще ему улыбнулся.

– Ничего! Только и всего, что ногу мне отдавили. С кем не бывает!

– Словно дрова везёт, подлец!

Я покивал ему вежливо в ответ и начал осторожно продвигаться к средней двери, поскольку троллейбус уже подъезжал к «Площади интернационалистов».

Спрыгнув на твёрдую землю, я перевёл дух и поправил на себе одежду. Оглядев собственные ботинки, я выругался. Их вид теперь совершенно не соответствовал моим представлениям об аккуратности. Пришлось достать носовой платок и, отойдя к газону, аккуратно вытереть обувь. После этого платок, естественно, отправился в урну для мусора.

Поёжившись от пронизывающего, несмотря на солнечное небо, октябрьского ветерка, я пожалел, что не надел утром кепку. Активно желтеющая листва ещё почти не осыпалась. Но ощущение уже наступившей осени, как всегда, романтически щемило мне сердце. Вдохнув полной грудью этот, уже наполненный запахами осенней прелости и выхлопных газов, холодный воздух, я зашагал через парк.

Татьяна открыла дверь почти сразу после моего звонка. Словно ждала. Я поздоровался и вошёл. Она мимоходом чмокнула меня в щеку.

– Раздевайся и проходи.

Тут же развернулась и стремительно ушла в комнату. Уже оттуда донёсся её голос. Она кому-то громко выговаривала.

– И вообще! Ты сошёл с ума! Разве можно было к нему обращаться с такой просьбой?! Вы со своим Виктором уже совсем рехнулись.

Её перебил мужской глуховатый баритон. Я узнал раздражённый голос её брата Александра.

– Таня, Та-а-ня! Успокойся! Ну, нет – и нет! Он нам, всё равно, отказал. Не будем же мы с ним разборки устраивать! Хотя он, я считаю, полный дурак. Они бы совсем неплохо заработали. И лично ему перепало бы достаточно.

– Не-ет! Если кто и дураки – так это вы! Надо же было придумать такое!

Я не очень-то вслушивался в их спор. Повесив куртку на крючок и переобувшись в мягкие домашние тапочки, я

заглянул в комнату.

– Всем привет! Александр Сергеевич, хау ду ю ду!

– Привет, Серёга!

Саша выглядел взвинченным. Едва махнув мне рукой, он встал с кресла во весь свой немаленький рост.

– Ладно, Тань! Ты у нас всегда была правильная. Ты и в журналисты-то пошла, чтобы свои идеалы отстаивать. А я просто бабки зарабатываю. И, между прочим, делаю это вполне эффективно. И тут, знаешь, не до идеалов. Впрочем, что я перед тобой оправдываюсь?! Сделка же, всё равно, не состоялась! Жаль, конечно! Ну, ничего! Мы как-нибудь найдём другое местечко, а своё возьмём! Вот только ты со своими принципами, как и твой учитель, так и останетесь нищими.

Он бросил на меня почти неприязненный взгляд.

– Прости, Серый! Но я думаю, что прав на все сто. Ладно! Надоело это мне. Без толку всё. Я пошёл. Бывайте здоровы, если денег хватит.

И Саша, тяжело хлопнув меня по плечу, скрылся в прихожей. Через секунду мы услышали звук закрывшейся с силой двери. Мы с Татьяной переглянулись.

– Я не вовремя?

– Да ..., ну его ...!

Она медленно остывала. Но глаза оставались всё ещё сердитыми.

– Проходи, садись Вечно мы с ним цапаемся. Он с тех

пор, как свой бар открыл, стал совершенно невыносим. Такой циник! Даже слушать противно. И с этим Виктором всё время.... Не понимаю! Как он так может? Ведь тот же типичный бандит! Сразу в глаза бросается. Хоть и холёный с виду.

Я подошёл к ней со спины и обнял ласково.

– Ну, всё! Всё! Он уже ушёл. Успокойся. Посмотри на меня.

И я повернул её за плечи лицом к себе.

– Вот, видишь? Перед тобой стоит мужчина, который тебя любит так, что когда тебя видит, у него аж зубы сводит.

Её карие глаза упёрлись внимательным взглядом в мои. Я улыбнулся и запустил пятерню в её роскошные густые и длинные чёрные волосы. От них исходил тонкий волнуемый аромат. Танин взгляд смягчился. Она ткнула своим носом в мою щеку и тоже улыбнулась.

– Ну, здравствуй! Прости меня. Я, точно, дура. Всё рву душу! А он меня совсем перестал слышать.

– Вот, именно! Давай-ка лучше о наших с тобой делах. Но сначала – один горячий любовный поцелуй.

Она в шутку попыталась увернуться, но потом с удовольствием прижалась к моим губам. Я чуть не задохнулся. Эта девушка могла бы из меня верёвки вить. За один её поцелуй я готов был отдать всё.

Она оторвалась от меня, засмеявшись, и оттолкнулась руками от моей груди.

– Ну, хватит, хватит! А то тебя потом не остановить. Пой-

дём-ка, я тебя лучше покормлю чем-нибудь. Ты, небось, как всегда, голодный? А что это ты сегодня в такую рань?

Говоря всё это, Таня вела меня за руку на кухню.

– Постой, а как же твоя вылазка? Ты же собирался ехать с ночёвками?

Мы уже вошли в кухню, и она усадила меня за небольшой столик. Мои колени почти упёрлись в его крышку.

– Так уж вышло.

Таня быстро накрыла стол, и поставила передо мной горячие сосиски с жареным картофелем, зелёным горошком и горчицей. Рассказывать о неприятностях не хотелось. Я пытался говорить не слишком эмоционально.

– У нас, понимаешь, ЧП.

И я изложил ей свой непредвзятый рассказ о жутком сегодняшнем утре.

– Одним словом, меня попросили никуда не отлучаться. Могут ещё вызывать на допросы.

Татьяна ошеломлённо молчала, широко раскрыв и без того огромные глаза.

– Господи! Да как же это?! Зачем и кому было нужно убивать вашего Степаныча? Чушь какая-то. Для вас, что-то, многовато неприятностей! Кстати, знаешь, о чём мы ругались только что с Сашкой? Он, оказывается, просил вашего Минакова сдать ему в аренду школьный подвал. Якобы, под цех упаковки какой-то ерунды. А на самом деле, как я из его слов догадалась, хотел там фальшивую водку разли-

вать. Предполагает, что на школу никто бы не подумал.

– И Минаков ему отказал?

– Да. Но, ты же знаешь, моему братику, если что в голову втемяшилось, он сроду не захочет отступить. Он своего Виктора позвал. И тот ходил к вашему директору. Запугивать его пытался.

Таня, вдруг, замолчала и странно на меня посмотрела.

– Серёж! ...А это не он его...?

В наступившей тишине я явственно различил, как из-за тонкой бетонной стенки пробился визгливый голос соседки, за что-то, на чём свет стоит, ругающей своего ребёнка.

– Ну-у! Я не думаю. ...Да и, вообще, милиция пока говорит о самоубийстве.

– Но ты же говоришь, что не веришь!

– Ну, не верю. И что это значит для следствия?

– Ты, что же, им не говорил о своём впечатлении?

– Почему? Сказал. Но... Мне кажется, они к этому как-то равнодушно отнеслись. Послушай, Тань! Мне и в самом деле это могло просто почудиться. Я был в шоке! Просто остолбенел! Вряд ли я мог в тот момент что-то путное сообразить. Да, я, вообще-то, и сейчас не совсем в себе. Голова пухнет! ...И, почему-то, всё время реветь охота.

Татьяна, прищурив свои вишнёвые глаза, внимательно на меня посмотрела. Голос стал тихим и холодноватым.

– Серёжа! Мне кажется, ты уже не совсем уверен в правильности наших с тобой планов. Ты снова засомневался,

стоит ли увольняться из школы?

– Нет! Ну, что ты?! ... Я не сомневаюсь. ... Умом не сомневаюсь.

– А сердце болит? Всех жаль? Я права?

Я обречённо вздохнул и уставился в окно, за которым на фоне яркого голубого неба налетающие злые порывы холодного ветра безжалостно рвали с чёрных мечущихся ветвей беззащитные полумёртвые желто-зелёные листья, наотмашь швыряя их в дрожащее оконное стекло.

– Сергей, ну так же нельзя! Мы ведь уже всё решили. Что ж ты за человек-то такой? Да и что изменилось? Может, тебе зарплату раза в четыре увеличили? Или ты уже передумал жениться? Да, мужик ты, наконец, или хвост поросичий?!

Она была права. И мне от этого было ещё хуже.

– Танюш, успокойся. Не нервничай.

Я говорил это, виновато и осторожно ловя её обиженный взгляд. Я ругал себя в душе страшными ругательствами. Я действительно мечтал о нашей свадьбе, как ни о чём другом. Ведь я любил эту девушку. И не было у меня никого дороже её с тех самых пор, как я отнёс последний раз букет цветов на кладбище своим родителям в далёком городке Анна под Воронежем, и уехал, куда глаза глядят. Но я уже давно любил и свою, не очень-то, по нынешним меркам, мужскую профессию, и ясные глаза своих одиннадцатиклашек, и звук школьного звонка, и топот сотен ног, выбегающих на пере-

мену, и многое другое, что делает мою жизнь всегда наполненной и чистой.

– Да, душа, и впрямь, болит. Но я это переживу. Привыкну. Дай только срок.

Я понял, что бодренькие нотки в голосе, которые я так старательно модулировал, её обмануть не смогли. Она нервно повела плечами, а её голос дрогнул.

– Знаешь! Мне это надоело. У тебя, видите ли, душа! А я, значит, бездушная! Я не хочу ни к чему тебя принуждать. Но, ты же понимаешь, что в нынешних обстоятельствах о свадьбе не может быть и речи. И этот разговор – пустая трата времени и нервов. Я прошу тебя, уйди. Сейчас – уйди. И прими, наконец, решение. Тогда и поговорим. А пока – до свиданья!

Она отвернулась и стояла у окна, обхватив себя руками, втянув голову в плечи. Очередной порыв ветра оторвал сразу несколько листьев с дерева и с размаху припечатал их к окну. Они безысходно сползали по стеклу вниз, словно умирающие от ран бойцы.

Я знал Татьяну достаточно хорошо, чтобы и не пытаться продолжить разговор. Я встал из-за столика, подошёл к ней вплотную, взял руками за плечи и осторожно поцеловал её блестящие чёрные волосы на затылке.

– Прости. ...Я пойду, пожалуй. Ты права. И не думай обо мне плохо. Я справлюсь. Дай срок...

– Шагай, шагай от сюда, романтик!

Татьяна, дёрнув сердито плечами, сбросила мои ладони и, склонившись, еле слышно всхлипнула. Я постоял в нерешительности ещё немного. Она продолжала молчать. Я вновь вздохнул, и, так и не притронувшись к сосискам, побрёл к выходу, проямлив невнятно слова прощания.

Когда дверь за мной захлопнулась, я оказался один в пустом, гулком пространстве лестничной клетки и тупо посмотрел вокруг. Один из лестничных маршей вёл наверх. Другой – вниз. В голове сумбур, путаница и горячечные, скачущие как попало, мысли. Я постоял, а затем, опустив вяло плечи, побрёл вниз.

Надо сказать, что в Белогорске я жил лишь пятый год с тех самых пор, как в 95-м уехал из Чечни. Там я 6 лет в гудермесской школе №6 преподавал историю после окончания Костромского пединститута. Мой кабинет истории значился под номером «6». Уехал, понятное дело, из-за войны. Всякого посмотрелся и много натерпелся. Видно, не зря мне выпали эти три шестёрки: знак дьявола. Даже то, что я до института служил в разведроту, мне храбрости не очень прибавляло. Я продал в Анне родительский домик, стоявший пустым после смерти отца, купил себе основательно потрёпанную «восьмёрку» цвета кофе с молоком и уехал в Белогорск. Меня сюда давно звали мои друзья по службе. На остававшиеся деньги я купил на окраине города миниатюрную однокомнатную квартиру и гараж в кооперативе прямо во дворе этого дома. Кое-как обставил своё жильё, и с тех пор, вот уже пятый год, прихожу туда ночевать. Хоть и не всегда. Единственно ценными вещами в моей квартире можно считать книжки. Они уже заняли всё свободное пространство в комнате. Друзья шутят, что я живу в библиотеке...

От Татьяны я поехал домой. Когда я вошёл в квартиру, было уже около трёх часов дня. В комнате разрывался телефон. Я снял трубку и услышал говорок Игоря Сироткина.

– Селезнёв, ты где пропал?

– Прости, Игорёк. Так уж вышло. Ты же знаешь, мне в последнее время патологически не везёт. В школе убийство, или, может, самоубийство. Само по себе – кошмар! А я, представь себе, первым нашёл тело. Теперь мне велели никуда не уезжать из города.

Игорь присвистнул.

– Слушай, тебе, часом, помощь не требуется? Что-то у тебя голос потерянный!

– Нет. Не надо ничего. Это я опять с Танюхой поцапался.

– Опять из-за работы?

– Ага. Не могу никак решиться. А она злится. Да, я и сам на себя злюсь! А, вот – никак!

– Ну, что тут посоветуешь?! Ясно одно: ты с нами не ездец.

– Это точно.

– Ну, тогда – прости! Мы поедем одни. Кушнеренко уже два раза звонил. У него «УАЗик» уже давно под парами. Передать ему что-нибудь от тебя?

– Массу самых наилучших. И передай: мне очень жаль!

– Естественно! Ну, ладно. Пока! И не хныч. Если что – знаешь, где мы будем. Сможешь – присоединяйся. Или вызывай, коли станет надобно. Чао!

Я вздохнул и положил трубку. После Татьяны я в Белогорске самыми близкими людьми считаю Игоря с Вовкой. Да, ещё, в каком-то смысле, Минакова... Считал...

Я скинул ботинки и куртку, прошлёпал в носках в комнату и, не раздеваясь, вытянулся на своём, как обычно, не убранным

ном с утра диване.

Мы с Игорем и Вовкой были похожи друг на друга. Все трое ростом под 185 сантиметров, с тёмно-русыми коротко стриженными волосами, с серыми глазами. Нас часто принимали за братьев. Но мы не братья. Мы просто проходили срочную службу в морской пехоте, а туда таких специально отбирают. Игорь уже женат и имеет двух сыновей. Вовка, хоть и скрывал пока от нас, но тоже вот-вот женится. И сейчас они все вместе собрались провести три дня на природе. Игорь работает водителем-дальнобойщиком. Вовка – в частном спортклубе ведёт секцию рукопашного боя. Оба они уже неплохо обеспечены и полны оптимизма. А я... Нет, конечно, Татьяна права. Я полный «лопух». Пора решаться. Недавно и возможность подвернулась. Я дуриком выиграл в телевизионную лотерею. После уплаты налога осталась вполне приличная сумма. Грешно было не попытаться открыть своё дело. Только я всё никак не мог подойти с этим к Минакову.

Подумав о Степаныче, я вспомнил его удивлённые мёртвые глаза и бурое пятно на белой сорочке. А, всё-таки, не мог он сам застрелиться! С чего бы это? Минаков относился к категории людей, которые не умеют отступать и всегда верят в успех. Он в своей жизни добивался любой цели, которую только ставил перед собой всерьёз. И, потом, он же оптимист! На его шуточки лучше было не нарываться. Это всем известно. А этот взгляд! Я его знал достаточно хорошо. Его глаза, в самом деле, выражали именно удивление.

Изотов сказал, что сорочка вокруг пулевого отверстия слегка подпалена и, наверное, там остались микрочастицы пороха. Это значит, что ствол был, практически, приставлен к груди. Да. Очень похоже. Пистолет в руке... Но, откуда у Минакова пистолет? Более штатского человека я, пожалуй, никогда не встречал. Он, пожалуй, не знал, как в пистолет патроны вставляют.

Телефонный звонок заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Я протянул руку и снял трубку. Голос Веры Ильиничны звучал, словно из Хабаровска. Разобрать слова было можно, но слышать неприятно из-за гулкого эхоподобного завывания в трубке.

– Сергей Аркадьевич! Это Вера Ильинична. У Вас завтра методический день, но я Вас прошу прийти в школу к 8 утра.

– А что? Ещё что-нибудь случилось?

– Ну, в общем, нет. Просто приедет начальник управления образования.

– А я тут причём?

– Он просил, чтобы Вы подъехали. Он хочет с Вами поговорить.

– Со мной? Это о чём же?

– Я не знаю. Может, о похоронах? Не знаю. Но он просил, чтобы я Вам позвонила... Серёжа! Что же это? А? Как же такое могло...?

Я услышал в трубке её всхлипывания.

– Успокойтесь, Вера Ильинична! Что теперь поделаешь?

Видимо так уж ему было суждено. Мне очень жаль. Но Вам надо держать себя в руках.

– Да, да. Конечно. Только мне очень, очень больно! Словно мы осиротели...

– Это точно. ...А Вы звоните из школы?

– Да. Я ещё здесь.

– Как там обстановка? С уроками во второй смене не вышло?

– Нет. Не вышло. Мы не смогли заставить ни себя, ни учителей. Да и дети возбуждены слишком. Какие уж тут уроки! Мы с Тамарой Николаевной уже всех отпустили. Только Александр Николаевич да Андрей Владимирович в столярке сидят... Пьют...

В её голосе не было осуждения.

– Мы их даже выгонять не стали. Впору самим выпить. Как подумаю, что и сегодня идти в свой пустой дом, так опять реву... Я в школе, фактически, жила. Из-за него. А теперь...? Простите меня, что плачусь, мне ведь больше не с кем... Тамара уже ушла...

Слышимость почему-то улучшилась. Я даже услышал, как часы в её кабинете пробили четыре раза.

– Вера Ильинична, и всё же Вам надо идти домой. И отдохнуть.

– Да, Серёжа, спасибо. Извините, что так. ...Одним словом, жду Вас завтра в восемь. До свиданья.

И она положила трубку. Слабые короткие гудки, звуко-

вым кардиографом отсчитывавшие ритм её раненного сердца, сигналили о чём-то в моём сознании. Мне стало тошно от невозможности что-то изменить и от бессмысленной жестокости жизни. Я вспомнил, что с утра ничего не ел, пошёл на кухню и поставил на огонь чайник. В голове всплыли и неотвязно завертелись строчки:

В синий вечер у теплой печечки
Горьку водочку пью в тоске.
Эх, разнылось моё сердечечко,
Револьверчик мой сжат в руке.

Это сочинилось само собой лет шесть назад и помнилось...

В револьверчике шесть патрончиков
Притаилися силой злой:
Маслом смазаны, смертью связаны
С разболевшейся, ох, душой.

У Минакова не револьверчик был, пистолет Макарова.

Сизый дым висит в душной комнатке,
Только ходики – «тик» да «так».
Вы потом меня, точно, вспомните!
Вот, мол, жил и сдох, как дурак.

Докурил уже я последнюю
Сигареточку до конца,
Тихо взвёл курок, дулом ткнул в висок...
Эх, простите, бля, подлеца...!

Нет. Не замечал я у Минакова признаков такого душевного расстройства, чтобы вот так застрелиться. На собственном рабочем месте! Прямо в школе!

Я сел и уставился в угол. Конечно! Никакое это не самоубийство. Кто-то грохнул нашего Степаныча. Но за что же? Ведь должна быть какая-то причина, мотив? И ещё одно! Не знаю, как другие мои коллеги, а я чувствовал, что оскорблён этим убийством до глубины души. Знать бы, кто это сделал! Поди ж ты, какая сволочь! Ну, нет! Ему это не сойдёт. Бог, он, конечно, всё видит. Но и я тоже не считаю себя полным идиотом. Гадом буду, если его не вычислю! Таких вещей прощать нельзя.

Растерянность, раздражавшая меня весь день, куда-то улетучилась. Я почувствовал себя взвинченным. Водой в шлюзе поднималась и накатывала злость. Я вскочил и нервно зашагал из угла в угол. Уроков у меня завтра нет. Готовиться не надо. Делать совершенно нечего. Но торчать дома было неважело. Я выключил газ под всё ещё не закипевшим чайником и, одевшись наскоро, отправился бродить по улицам, чтобы, хоть как-нибудь, убить время.

Так случилось, что утром я приехал в школу слишком рано, накануне всё-таки приготовив заявление об уходе. Входить в здание не хотелось. И я решил посидеть немного в беседке, стоявшей в глубине школьного двора. Погода сегодня была противная. Низкие тучи густой грязной паутиной свисали с небес. Казалось: вот-вот начнёт моросить дождь. Ветер стих, но стало холоднее, чем вчера. Беседка была достаточно неуютным местом. Лавочки, приколотенные когда-то вдоль перил, затоптаны множеством грязных ног. Заплёванный пол усыпан окурками и прочим мусором. Беседку давно не ремонтировали, и определить её цвет не представлялось возможным. В крыше не хватало нескольких досок. Пришлось сесть на перила и тоже поставить ноги на лавку. Курить я бросил ещё в Гудермесе. Пытался так экономить деньги. Денег не сэкономил, но курить больше не начал. От холода я засунул руки глубоко в карманы куртки и, втянув голову в плечи, стал ждать.

Через проломы в заборе во двор школы просачивались со всех сторон ученики, тянувшиеся на уроки. Большинство шествовали мелкими группками или парами, оживлённо что-то обсуждая, смеясь, иногда ссорясь. Жизнь шла своим чередом. Многие не утруждали себя тяжёлыми ношами книг и тетрадей, ограничиваясь тощими полупустыми, но фир-

менными пакетами. Вот же, блин, ученички, мать их...!

Из-за угла здания школы показался «товарищ папа», выглядевший заметно помятым. Он пересёк двор, вылез через дыру в заборе и скрылся из моего поля зрения. Я усмехнулся. Крепко же он вчера набрался. Только утром домой пошёл. Видно, спал прямо в своём тире в подвале школы.

Во дворе появились мои Коноплёва и Ситлецкий. Они явно никуда не торопились. Став за чахлым кустом, Ира взяла у Ситleckкого сигарету, и они вдвоём курили, что-то неспешно, но заинтересованно обсуждая.

Я бросил взгляд на часы. Уже без пяти восемь. Пора. Увидев меня выходящим из беседки, Ира и Сашка побросали сигареты и с невинным видом заспешили в школу. При этом они явно постарались уклониться от контакта со мной. Ничего, ребята! Не бойтесь. Скоро я для вас стану совершенно посторонним человеком.

В кабинете Веры Ильиничны я, кроме неё, обнаружил уже прибывшего Ванеева. Начальник Заречного районного управления образования, как с некоторых пор стали называть бывшего заведующего РОНО, был хмур и сосредоточен. Вера выглядела ужасно. Неаккуратно причесанная окрашенная в белый цвет стрижка усугубляла синюшность под её глазами и подчёркивала бледность лица. Она производила впечатление больной, старой, потрёпанной воробыхи.

Когда я вошёл, Вера Ильинична слегка оживилась.

– Здравствуйте, Сергей Аркадьевич. Вы что-то неважно

выглядите.

Я удивлённо посмотрел на неё. Честно говоря, даже скобля себя бритвой рано утром, я так и не заметил в зеркале своего лица. Её заботливое замечание меня тронуло. Но отвечать что-то было надо.

– Здравствуйте, Вера Ильинична. Мой комплимент был бы Вам также приятен.

Ванеев грустно хмыкнул, встал и протянул мне руку. Я без всякого удовольствия пожал его вялые влажные пальцы.

Звонок на первый урок за дверью кабинета уже прозвенел. В школе наступила рабочая тишина. Ванеев, смешно поджал тонкие губы и, глядя на меня искоса, вновь уселся на шаткий стул для посетителя. Вера сидела на своём обычном месте за рабочим столом. Других стульев, чтобы я мог тоже сесть, в кабинете не обнаружилось. Ванеев заметил это, странно дёрнул плечами, но ничего по этому поводу не предпринял, а только вновь поджал губы.

– Сергей Аркадьевич! То, что вчера случилось, знаете, поставило Управление в трудную ситуацию. Мы к ней были совершенно не готовы.

Он замолчал. Его левая рука поднялась с колена, и он внимательно и озабоченно посмотрел на свои пальцы. Оставшись ими совершенно недовольным, он вновь скосил взгляд в мою сторону.

– Мы в Управлении, спорили, знаете, но, всё же, сошлись на Вас.

Он опять принялся рассматривать свои пальцы.

Я ошалело молчал. Они считают, что это я убил нашего директора?!

Его взгляд вновь закосил.

– Я, знаете, Вас попрошу не отказываться. Кроме Вас действительно некого.

Он произнёс это сокрушённо и понурил голову. Моему удивлению не было границ.

– Некого что?

– Некого назначать директором этой школы.

В наступившей тишине изумление Веры Ильиничны ощущалось физически. Её глаза полезли из орбит. Мне показалось, что я слышу напряжённое потрескивание глазных мышц, которые не давали им выпасть. Меня, между тем, прозвучавшее заявление настолько поразило, что я пробормотал, слегка заикаясь:

– Д-да! Ум-меете Вы, однако, подготовить ч-человека к неожиданности!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.